

ЧЕРНЫЙ КОТЕНОК

**ПОПАЛИСЬ,
КОТОРЫЕ КУСАЛИСЬ!**

ВАЛЕРИЙ ГУСЕВ

ЭКИПА

Валерий Борисович Гусев
Попались, которые кусались!
Серия «Дети Шерлока
Холмса», книга 27

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=163328
Попались, которые кусались!: Эксмо; Москва; 2006
ISBN 5-699-15741-7*

Аннотация

Как хорошо, когда у тебя есть собака! Можно дрессировать ее до потери пульса. А можно... отправиться с ней на настоящее задержание! Дима и Алешка, которые просто обожали свою псину – овчарку Грету, так и поступили: создали команду таких же, как они сами, заядлых собаководов и помчались по следу преступников, поставивших на уши весь город...

Содержание

Глава I	5
Глава II	15
Глава III	34
Глава IV	45
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Валерий Гусев
Попались,
которые кусались!

Глава I

Пропала собака

Воскресное утро. Как приятно проснуться в такой день в обычные ранние часы и тут же, сообразив, что сегодня выходной, что в школу спешить не надо, повернуться на другой бок, натянуть одеяло на ухо и снова сладко заснуть.

Не тут-то было! Одеяло, как живое, ползет на пол. Обнаженного уха и щеки настойчиво касается горячий и ласковый собачий язык. Наша юная овчарка Грета напоминает: «Дима, скорее вставай, сегодня у нас прекрасный день, сначала мы идем на Горку, купим там вкусные мясные обрезки, пообщаемся с друзьями, а потом пойдем на собачью площадку».

Алешку она по утрам не будит, жалеет его как самого маленького в семье. Она только подойдет к его тахте, повздыхает и повиляет хвостиком. И маму Грета тоже по утрам не поднимает – мама и так встает раньше всех. А папу Грета слишком уважает. Когда он дома, она не сводит с него внимательных глаз – будто с нетерпением ждет от него просьбы или приказа, чтобы сломя голову, опрокидывая стулья, броситься их выполнять.

Конечно, для Греты воскресенье – это праздник, счастливый день. Встреча с друзьями, интересные занятия на площадке, где можно и себя показать, и на других посмотреть.

И побегать вволю. Облаять нахальную ворону, загнать на дерево вредного кота Матвея.

Пока я умываюсь, Грета лежит у двери ванной и нетерпеливо поскуливает: «Ну что ты так долго?» И едва я снимаю с вешалки ошейник, она торопливо сует в него свою улыбающуюся мордашу.

Каждым воскресным утром мы идем с Гретой на Горку. Так у нас в районе называется одно местечко, где находятся магазинчик, палатка «Овощи-фрукты» и газетный киоск. А между ними зеленая площадка, газончик со скамеечками.

В восемь утра возле этого газончика останавливает свой ободранный фургон веселый черноволосый парень Рашид, похожий на хитрую таксу. У него кривые ноги и умные внимательные глаза. Он привозит для собак мясные обрезки и кости. И продает очень недорого. И мясо вполне приличное. Мама даже нас иногда этими обрезками кормит. Правда, сперва для Греты отбирает самые лакомые кусочки.

Кстати, Рашид тоже не упускал случая отобрать лучшие кусочки. Но не для себя. Отпуская мясо, он дружелюбно поглядывал на наших собак, явно выделяя из них своих любимцев. Вот для них он и выбирал обрезки посвежее и сахарные косточки. Причем на маленьких собак он не обращал внимания, он симпатизировал кавказцам, немцам, доберманам. И всегда перекидывался добрым словечком с хозяином такой собаки. Искренно спрашивал о ее возрасте, о здоровье, о привычках. Хозяевам, конечно, такое внимание было при-

ятно. Но вот, например, Дама с собачкой (у нее была крохотная болонка) на Рашида за невнимание обижалась. И ее беленькая Бася тоже его не любила, скалила на него свои маленькие зубки и тьякала тоненьким, как велосипедный звонок, голоском.

...Когда мы пришли, на Горке уже собралась почти вся наша собачья компания. И Дама с собачкой, и Тетка с глупым волкодавом Ченом, и студентка Таня с добряком ротвейлером Джеком, и тетя Галя с высокомерным овчаром Диком, и озорная Джулька с Ленкой из Лешкиного класса. И красивая девочка Леля из нашей школы с красивыми сестричками-колли – Лолькой и Долькой... Не было только почему-то симпатичного Доктора с доберманом Лордом...

Мы поздоровались, обнюхались и помахали хвостиками.

Все собаки были на поводках. Рашид категорически настоял на этом, потому что в первое время наши питомцы пытались ухватить свои порции мяса бесплатно. Иногда это кому-нибудь удавалось. А ленивый ирландский волкодав Чен даже ухитрился утащить почти целую коровью ногу.

Но коровья нога не пострадала. Этот Чен уволок ее в кусты, улегся рядом и... заснул. Его хозяйка, которую мы прозвали Теткой, забрала у него ногу – выдернула ее из-под лохматой головы – и отнесла обратно Рашиду. А Чен даже ушами не дернул и головы не поднял.

– Он у меня флегмат, – говорила Тетка густым басом. – Ему лишь бы поспать и телевизор посмотреть. «В мире жи-

вотных» – его любимая программа. Особенно ему нравятся кадры, где лев, задрав антилопу, ложится спать посреди всяких саванн.

Да, Чену лишь бы поспать – и все равно где: под баобабом в саваннах или под березами в нашем парке.

Но Рашид с тех пор не открывал дверцу фургона, пока не убеждался, что все наглые похитители надежно взяты на короткие поводки или привязаны к скамейкам, а громадная пасть волкодава Чена заперта тугим намордником.

Пока мы ждали Рашида, между нами шли обычные для нашей компании разговоры.

– Где вы достали такой миленький ошейник? Он так идет вашему Дику. Он в этом ошейнике так импозантен. Прямо сердцеед...

– А наш сосед снизу – он просто какой-то монстр. Живодер. Все время жалуется, что ему мешает наша Бася.

– Интересно, чем же ему мешает эта милая кроха?

– Она, видите ли, очень звонко цокает у него над головой своими коготками.

– Но она же не лошадь с подкованными копытами.

– Я так ему и сказала.

– А наш управдом тоже монстр. Тоже живодер. Все время придирается к нам. Подумаешь, собачка немножко побрызгала на деревце, немножко накакала в лифте! Да что она там какает – как птичка!

– А птичкам можно, да? Эти вороны и голуби всю экологию

гию закапали. Даже скамейки.

Потом стали говорить о том, чья собака что любит. И чего не любит. У кого поносик, у кого запорчик. И как их лучше всего лечить, поносики-запорчики. Но главное – кто из собачек что натворил за прошедшую неделю. Это самая живая и острая тема. Причем об озорстве и проказах рассказывали с особым удовольствием. И даже с гордостью. Подразумевая, что все проделки собак – это признак их необыкновенного ума и сообразительности. И преданной любви к хозяевам.

– Представляете? Моя Аза ухитрилась забросить свой мячик в тарелку с супом. Муж пришел голодный, уселся за стол, а она ему – плюх! – мячик в суп.

– А мой Дик все-таки отомстил управдому.

– Неужели тяпнул?

– Ну что вы! Он очень разборчивый! Приходит опять этот монстр и, не снимая обуви, начинает жаловаться. Я сделала ему замечание, он разулся и, пока мы выясняли отношения на кухне, Дик наделал ему в ботинок.

– Остроумно!

Но тут будто черная тучка закрыла солнце. Мы тогда не знали, что это надолго. И очень опасно. И для собак, и для их владельцев...

Пришел наш уважаемый Доктор, очень приятный пожилой старичок. Мы некоторое время думали, что он врач. Но оказалось, что хоть он и доктор, но не по болезням. Он доктор каких-то технических наук. Какой-то даже профессор.

Правда, очень одинокий. У него в семье никого нет, кроме его собаки.

Этот Доктор, он всегда такой вежливый, аккуратный и опрятный. Ему, как мне кажется, даже с собаками хочется говорить на «вы» – такое у него воспитание. И его Лорд точно такой же. Стройный красавец доберман, похожий шоколадной мастью и точеными лапками на изящную лошадку. Такой же чистюля и джентльмен, как и его хозяин. Ведь Доктор даже на площадку приходит в костюме и белоснежной рубашке с галстуком. А его Лорд в любую погоду, в слякоть и грязь выглядит так, будто только что за ним закрылась дверь салона красоты или фитнес-клуба. Они очень похожи. Впрочем, я давно уже заметил, да и не только я, что со временем собаки и хозяева становятся похожими друг на друга. И даже внешне, не только характером.

Вот наш старший инструктор дядя Сережа. Он иногда приходит на занятия со своим старым сенбернаром Мишей. И когда они садятся рядом, их даже можно перепутать. Правда, Сережа садится на скамейку, а Миша на землю, рядом, и они получаются одного роста. И их сходство особенно бросается в глаза. Оба немного грустные и усталые. Оба очень умные и спокойные. Оба с большими седыми головами. Они даже прихрамывают немного. Каждый на свою лапу.

А Дама с собачкой такая же курчавая, как и ее болонка Бася. И у нее такие же мелкие острые зубки и такой же звенящий голосок. И вздорный характер.

В общем, оба – Доктор и Лорд – вежливые, корректные, выдержанные. Но сегодня Доктор был еще опечален и встревожен. Он поздоровался со всеми, потрепал за ушками сестричек-колли, которые первыми подбежали к нему, удивляясь и огорчаясь, что Доктор пришел без Лорда. Они обе были тайно в него влюблены – в Лорда, конечно, а не в Доктора.

Доктор спросил с надеждой в голосе:

– Мой не прибежал?

– Лордик? Нет, не было его. Удрал? Он же у вас такой послушный, воспитанный.

Да, чтобы Лордик, этот аристократ, куда-то удрал от своего обожаемого и уважаемого хозяина... Это просто невозможно.

– Да, представьте себе... – Доктор снял очки и стал старательно протирать их белоснежным платком. – Потерялся... Второй день его нет... Не знаю, что и подумать...

– Как? – все дружно ахнули и подтянули поближе своих собак за поводки.

– Да, представьте себе, вот так. Вчера вышли на вечернюю прогулку, Лорд забежал за кустик... Вы же знаете, – тут все согласно закивали, – он очень деликатный, он даже при мне писать стесняется... Забежал... И что-то задержался. Я, представьте, сначала не встревожился, думаю, встретил кого-нибудь из друзей, увлекся. А потом позвал его...

– И что? – вокруг Доктора все уже сбились в обеспокоенную и встревоженную стайку. Даже собаки внимательно, с

сочувствием слушали его.

– Представьте, не отозвался. И не появился. Я стал его искать – нигде нет, ни в кустиках, ни за кустиками. Бродил по району до полуночи. Так ни с чем и вернулся... А дома, представьте, так без него пусто... – Доктор снова снял очки и снова стал протирать их белоснежным платком. Такой грустный одинокий человек, у которого никого, кроме любимой собаки, нет в жизни.

Мы все, вместе с собаками, вздохнули с сочувствием. И каждый из нас покрепче сжал в руке поводок, потому что, наверное, подумал, как это грустно, когда пропадает твой верный друг. Который какает в ботинок у правдома и бросает свой слюнявый мяч в тарелку с супом.

– Его украли! – вдруг гулко и решительно бухнула Тетка Чена. – Вы, Доктор, ничего подозрительного в кустиках не заметили?

– Нет, представьте... Все, как обычно. Кустики под снегом. В окнах свет, иногда шум машин на проспекте... – Тут он наморщил лоб, припоминая. – Да, представьте... Вы правы. Как раз за кустами, на стадионе, какая-то машина урчала.

– Вот на ней и увезли вашего друга.

– Да как же... Он же такой выдержанный, он к чужим людям в машину не сядет.

– Значит, – опять безжалостно бухнула Тетка, – это были не очень чужие люди.

– Да, – подхватила Дама с Басей, – это соседи! Они его на

свою дачу увезли. Чтобы он им за стеной не лаял.

– Да он никогда не лаял после одиннадцати часов...

– Идите домой, – прогудела Тетка. – Может, он набегался и ждет вас у подъезда.

– Представьте, – справившись с волнением, сказал Доктор, – я подумал, может, он проголодался, соскучился по друзьям и прибежал сюда. Поближе к мясу...

Тут, наконец, показался фургончик Рашида. Все оживились, стали выстраиваться в очередь.

Рашид лихо затормозил, круто развернулся и вылез из машины, распахнул дверцу и объявил:

– Салям-малям. Сегодня – по пять кило в одни зубы. Мне еще две точки ехать надо.

Собаки стали облизываться и поскуливать, а хозяева столпились возле машины, приглядывали кусочки повкуснее. А Доктор отошел в сторону и опять взялся за свои очки.

И снова всем стало как-то не по себе. Из-за того, что он теперь не будет выбирать для своего любимца, который помогал ему избежать одиночества, кусочки мяса, косточки и не станет просить Рашида не подкладывать очень жирные куски, потому что у «Лордика слабая печень».

А Дама с собачкой трогательно посоветовала Доктору:

– Вы все-таки возьмите мясо. Вдруг Лордик и вправду вернется, прибежит домой голодный и усталый, а у вас для него ничего нет.

Доктор надел очки и благодарно кивнул:

– Пожалуй, вы правы.

И его пропустили без очереди. А Рашид сказал:

– Слушай, профессор, зачем сильно грустить? Твой собака, он очень умный и совсем красивый. Он обязательно найдет дорогу свой дом.

...И никто тогда не подумал, что с пропажей Лорда для всех нас настала тревожная пора.

А для меня и Алешки – пора великих трудов и больших опасностей.

Но для того, чтобы все это понять, нужно ненадолго вернуться назад, месяцев на семь. В то время, когда овчарка Грета впервые появилась в нашем доме и стала пятым членом нашей семьи. А потом – первым, самым главным.

Глава II

Подарочек из Германии

Семь месяцев назад, возвращаясь из очередной заграничной командировки, папа позвонил из аэропорта и зачем-то спросил:

- Дим, все дома?
- У кого? – не понял я.
- У нас.

На такой вопрос трудно отвечать за других. И поэтому я ответил с уверенностью только за себя:

- У меня, пап, все дома.

Папа хмыкнул в трубку.

- Ты не понял, Дим. Мама и Алешка тоже дома?
- Алешка дома, мама скоро придет.
- Передай ей, чтобы никуда не уходила.

Голос у папы был немного виноватый и какой-то таинственный, будто он приготовил нам сюрприз. Наверное, какой-нибудь сувенир купил. На немецком языке.

Папа нетерпеливо позвонил в дверь, влетел в квартиру. Поставил на пол свою дорожную сумку и какой-то пластмассовый ящик, похожий на клетку.

- Как вы тут? – торопливо спросил он. – Все в порядке?

Я очень спешу, на службе ждут. Пока. – Он поцеловал маму в щеку и почему-то сказал ей: – Мужайся, – и захлопнул за собой дверь.

Мы недоуменно переглянулись. Мама приподняла клетку – внутри нее что-то недовольно пискнуло. Мама поставила клетку на пол, отошла от нее подальше и сказала Алешке:

– Открывай. – И на всякий случай встала на пуфик.

Она, конечно, поняла, что в клетке находится какое-то живое существо. А в нашей семье Алешка со всеми живыми существами мгновенно находит общий язык. Его даже змеи слушаются.

Алешка смело откинул дверцу.

Раздался еще какой-то непонятный звук, и появилось в нашей квартире очаровательное существо. Щенок. Толстые лохматые лапы, одно ухо – торчком, другое – еще лежачее. Помахивающий хвостик. И веселые глаза.

Щенок осмотрелся, наклоняя лобастую голову то к одному плечу, то к другому, решил, что мы заслуживаем его доверия, присел и сделал на полу лужу. Поздоровался, значит.

– Очень вежливо, – сердито сказала мама и сошла со своего пьедестала на пол. – Очень остроумно.

Щенок подскочил от радости, схватил мамин сапог из-под вешалки и зачем-то потащил его в кухню. Мама бросилась за ним. Мы – тоже, спасти сапог. Но немного опоздали – щенок уже успел не только засунуть сапог за плиту, но и сам там прочно застрял.

Алешка вытащил щенка, а я – сапог, лыжной палкой. В это время Алешка упустил щенка, и второй сапог уже оказался под тахтой в нашей комнате.

Мама схватила трубку телефона и позвонила папе на мобильник. Мы с Алешкой тут же схватились за параллельный аппарат. Подслушивать.

– Отец! – воскликнула мама. – Ты в своем уме? У тебя крыша поехала? У тебя все дома?

Папа все покорно выслушал. А потом сказал:

– А что делать? Это подарок от полицейского управления города Берлина.

– Хорош подарочек! Ты знаешь, что он сейчас делает? Этот подарок?

Щенок в это время, упершись в пол всеми лапами, пятился рыча и пытался сдернуть с маминой ноги тапочек.

– Это не он, – сказал папа. – Это она, Грета. Очень породистая овчарка, с прекрасной родословной.

– А кто эту родословную будет кормить? Кто будет за ней подтирать лужи? Ты об этом подумал? – Тут мама стала говорить назидательно: – С собакой, отец, нужно еще и гулять, делать ей всякие прививки, о ней надо заботиться, ее надо воспитывать. Кто это будет делать? Твоя жена? Мать твоих детей?

– Ну... Я думал, дети моей жены.

– Дети? – Мама даже подпрыгнула немного. От возмущения. – Твои дети, между прочим, две чайные чашки за собой

не могут вымыть, не то что лужи на полу.

Мы с Алешкой обменялись недоуменными взглядами. Какие там от нас на полу лужи? И чьи мы все-таки дети – его жены или нашей мамы?

– Зачем ты ее привез? – шумела мама в трубку.

– А куда же мне ее девать?

– В питомник бы отдал. Раз уж она такая породистая.

Папа виновато вздохнул:

– Не смог... Мне ее жалко. Она ведь сирота. Ее отец, полицейский пес Грей, погиб при исполнении своих служебных обязанностей.

– Сирота... – проговорила мама. – Сиротка... Ладно, отец, мне некогда. Собачку покормить надо.

И мама тут же взялась за дело. Сначала она приласкала щенка, и он игриво тяпнул ее за палец крохотными острыми зубками. Мама засмеялась и пошла на кухню. Грета, переваливаясь, забрасывая ушки туда-сюда, как-то бочком, радостно и доверчиво затрусилась за ней.

– Суп будешь? – спросила ее мама.

Грета села напротив нее, склонила голову, будто спрашивала: а какой суп?

– Хороший, – сказала мама. – Куриный. И не на кубиках. На живой курице.

Грета подпрыгнула от радости, будто все поняла. И «живая» курица ее любимая пища. С самого раннего детства.

Мама сняла с сушилки свою любимую красную миску, на-

полнила ее супом до краев.

Грета лакала его так яростно, словно не ела со дня своего рождения. Ее брюшко угрожающе раздувалось прямо у нас на глазах. Как воздушный шар. Того и гляди лопнет.

Долакала, вылизала миску, подняла мордашку, облинулась.

– Бедная девочка, – сказала мама. – Еще хочешь? – И налила ей добавку.

Бедная девочка и со второй миской управилась в два счета. Мама вздохнула:

– Отец, наверное, не кормил ее в дороге.

Грета тем временем плюхнулась на бок и мгновенно уснула, мордочка – в миске.

– Тихо, – сказала нам мама. – Нужно устроить ее поудобнее.

Она осторожно взяла Грету на руки, прямо как ребенка, и унесла в комнату.

Когда мама вернулась, мы молча сидели за столом. И вопросительно на нее смотрели.

– Я уложила ее в кресло, – шепотом сообщила мама, – и накрыла пледом.

А мы на нее молча смотрели. Мама приподняла крышку суповой кастрюли, заглянула в нее и смутилась.

– Ну, хотите яичницу пожарю? Надо же было ее накормить. Она с дороги...

– Сирота, – поддержал Алешка. – А нас можно не кор-

мить. Мы, слава богу, не сироты.

– Не кричи, – сказал я. – Собачку разбудишь.

– Вы бессердечные мальчишки, – обиделась мама. – Вам жалко для такой крохи тарелки супа.

– Кастрюльки, – уточнил Алешка.

– А ты бы лучше лужу в прихожей вытер.

Почему вытереть в прихожей лужу лучше, чем пообедать, мы так и не поняли.

Папа вернулся вечером. Грета уже освоилась, выспалась, съела нашу яичницу и запила ее молоком. Когда папа позвонил в дверь, она помчалась в прихожую и звонко затыкала. А когда узнала папу, то бросилась его обнимать, подпрыгивая и визжа от счастья.

– Я договорился, – сказал папа, переобуваясь. – Отдай тапочку... Ее возьмут в наш питомник. Еще и заплатят за нее.

– Друзей не продают, – сказала мама.

– Когда это вы успели подружиться? – Папа выпрямился во весь рост.

– Тысячу лет назад, – сказал Алешка. – Ты что, не знал?

Папа все понял и, похоже, остался доволен. Но произнес:

– Собака в доме – это серьезно. Это ответственность.

– Справимся, – сказала мама. – Я ее буду кормить, Лешка – лужи вытирать, Димка – гулять и воспитывать.

– А я? – спросил папа.

– А ты свое дело уже сделал, – отрезала мама. И не понять

– сердится она на него или не очень.

Грета осталась у нас. И нас стало пятеро.

Мама сразу сказала, что в семье появился еще один ребенок. Причем озорной, любопытный, шустрый.

Сначала мы все на Гретку то удивлялись, то обижались, то сердились. Она ворвалась в наш дом, как маленький, но очень вредный ураган. Грета трепала нашу обувь, она несколько раз перекусила телефонный провод. Причем два раза, когда папа разговаривал с министром внутренних дел по очень важным государственным вопросам. Она вдрызг разметала веник и так яростно облаивала включенный пылесос, что наша вредная соседка стучала нам в стену своими каблуками. Грета, когда мама пригласила в гости свою любимую подругу, сдернула со стола скатерть со всем, что на ней было. И пока мама собирала осколки чашек, успела съесть мамин торт. Но за это (за торт) никто на нее не рассердился. У нашей мамы очень много достоинств, но вот когда она вдруг задумает что-нибудь испечь... Папа, когда узнал, что Гретка слопала торт, так прямо и сказал, с облегчением: «Ну вот, можно и домой ехать».

И – самое удивительное – никто на Грету за все эти фокусы не сердился. Не то что на нас. Попробовал бы я перекусить телефонный провод. Или бы Алешка обругал пылесос и сдернул со стола скатерть. А если бы я погрыз папин башмак? Или Алешка обглодал бы веник? Страшно подумать!

Но на Грету никто не сердился. Она все это делала с такой ясной и веселой мордочкой, будто говорила: «Как же скучно вы без меня жили! Ну, ничего, теперь вы скучать не будете!»

И мы ее полюбили. И она всех нас полюбила. И вошла в нашу «стаю» как ее полноправная семейная единица. Даже, пожалуй, как единица с большими, чем у всех остальных, правами.

Иногда в холодильнике не было молока, иногда мы не успевали купить к ужину хлеб, иногда мама забывала что-нибудь нам сготовить. Но никогда она не забывала сварить Грете вкусную кашу с обрезками. И с овощами.

– Она еще маленькая, – объясняла мама. – Она растет. Ей нужны апельсины, углеводы и витамины.

– А нам углеводы не нужны? – ревниво спрашивал Алешка. Но никогда не забывал тайком выбрать из своей тарелки лакомый кусочек для Греты.

Иногда, очень редко, папа приходил с работы не очень поздно. И тогда его кресло у телевизора никто не имел права занимать. Телевизор мы, конечно, не смотрели, а обменивались новостями и обсуждали события, произошедшие за день. Кто какие оценки получил, кого вызвали в школу – папу или маму, насколько выросли цены в магазинах и на рынке, когда папе дадут отпуск. Или зарплату.

Так вот в это приятное вечернее время папино кресло обычно бывало занято. Грета с первого дня, когда мама уложила ее в это кресло и укрыла пледом, почему-то решила,

что оно вместе с пледом принадлежит ей.

– Да стони ты ее, – советовал папе Алешка.

– Как же... Это же не кошка... Да я бы и кошку не согнал...

Если кто-нибудь из нас успевал сесть в кресло раньше Греты, она тут же начинала неистово дергать нас за штанину. И всегда добивалась своего.

И если я, например, упрямылся, мама сразу наводила порядок:

– Справился? Ты бы лучше посуду помыл.

Где-то через месяц Грета разобралась во всех наших отношениях и четко определила свое место в «стае». Папа – главарь, которого надо слушаться беспрекословно. Хоть он и редко бывает дома. Мама – старшая подружка, которая накормит, приласкает и защитит в случае необходимости от других обитателей квартиры. Нередко бывало так: натворит что-то Грета, например, сбросит телефон со столика, и я начну ей делать выговор, она тут же жалобно заскулит и бежит жаловаться маме. Мама сразу встает на ее защиту.

– Справился? Она же маленькая! – и принимается меня воспитывать всякими словами. – А ты помнишь, как в трехлетнем возрасте опрокинул на себя телевизор? Тебе кто-нибудь хоть слово тогда сказал? Тебя все жалели!

А Грета, спрятавшись за ее спину, ехидно выглядывает и будто говорит всем своим видом: «Ага, так тебе и надо!» А сама прикидывает, как бы и ей попробовать опрокинуть

телевизор, чтобы ее тоже все пожалели.

И после такой разборки мама садится за телефон и начинает с восторгом сообщать своей подруге Дине Васильевне:

– Динка! Это такое чудо! Она сегодня такую лужу напрудила! Как взрослая! Приходи, посмотришь!

Кого посмотришь? Грету или ее лужу?

В общем, я для Греты – «прогульщик». Я обязан выводить ее на улицу, чтобы она сделала там свои делишки. Я обязан поиграть с ней и, конечно, выручить в трудную минуту или в минуту опасности.

А Лешку она сразу определила своим «щенком». У него в отношении Греты не было никаких обязанностей, а у Греты в отношении «щенка» – были. Она защищала его и воспитывала. Хотя сама была еще крохой.

Однажды, когда мы гуляли втроем возле школы, Алешка вдруг начал взбираться по пожарной лестнице. Грета безумно взволновалась. Скакала, лаяла и успела ухватить его за штанину и стащить вниз. И оттрепала его за куртку.

Лешка на нее обиделся:

– Она меня не любит.

Папа, когда об этом узнал, объяснил:

– Она тебя больше всех любит. Она чувствует за тебя ответственность. Считает тебя своим щенком. За которым нужен глаз да глаз.

– Щенком? – возмутился Алешка. – Я щенок?

– Только для нее, – успокоил его папа. – Для всех осталь-

ных – ты маленький и вредный хулиган.

А потом настало лето, и мы поехали на дачу.

Когда мы солнечным днем вышли из машины возле своего дачного дома, Гретка принялась от восторга скакать по траве, как весенний козленок.

– Телячья радость, – сказал папа.

– Детский восторг, – сказала мама.

И в таком восторге Гретка пребывала все лето. Она гонялась за птицами, находила и облаивала ежей, самозабвенно купалась в пруду, подружилась со всеми окрестными собаками. Один соседский кобелек Шарик даже приносил ей свои игрушки – пустые бутылки из-под минералки, мячики и резинового слоника с отгрызенным хоботом. Это было, конечно, очень трогательно. Только вот приносил он ей игрушки, складывал под нашим окном и звонко лаял, вызывая Гретку на улицу... часов в пять утра.

Были, конечно, и другие проблемы. Несколько раз за лето Гретка пропадала – терялась, исчезала. В первый раз мы обегали весь поселок и всех расспрашивали, не видал ли кто нашу собаку? И все в один голос отвечали:

– Красненькая такая? Веселая? Только что была здесь. Во-он туда побежала. С нашим Шустриком.

И мы с Алешкой опять мчались «по следу». И бегали так почти весь день. А когда, усталые и расстроенные, вернулись домой... Грета встретила нас веселым лаем. Оказывается,

все это время она спокойно проспала... в печке.

Печь мы, конечно, летом не топили, но как Гретка туда забралась да еще и прикрыла за собой дверцу, это осталось навсегда ее тайной.

А однажды, когда мы с Алешкой готовили в комнате удочки, мы слышали в сенях какие-то загадочные гулкие удары. Мы даже сначала испугались. А когда выскочили в сени, испугались еще больше. По сеням бродило какое-то небольшое чудище – наполовину собака, наполовину мамина лейка.

Оказывается, Гретке зачем-то понадобилось залезть в лейку. Влезла туда только голова и застряла, вылезти не смогла – мешала ей ручка. И Гретка бродила по сеням, стучась лейкой в стены, на ощупь отыскивая вход в комнату. А когда мы появились на пороге, она обрадованно тявкнула – будто кто-то сильно кашлянул в железной бочке.

Но не успели мы вытащить Гретку из лейки, как она тут же застряла под тахтой: не учла, что за это время уже подросла, и самостоятельно вылезти не сумела. И стала скулить, звать на помощь.

Алешка просунулся под тахту, перевернул Гретку на бок и вытащил ее за задние лапы. Она облизала его в благодарность и чуть было опять не исчезла в печке.

– Ладно, – сказал я, – лейку мы спрячем, а куда печку денем?

– Замок на дверцу повесим, – предложил Алешка.

– И сигнализацию установим, – подхватил я.

Но тут пришла с огорода мама и, не разбираясь, кто прав, кто виноват, набросилась на нас:

– Распустились! Это вам не игрушка! Это вам живое существо! Зачем вы ей печку на голову напялили? Зачем вы ее в лейку засунули? Бедная девочка.

«Бедная девочка» в это время вертелась вокруг мамы и всем своим видом показывала, какая она была несчастная в печке с лейкой на голове.

– Она сама, – сказал Алешка. – Ей так нравится. А у тебя, между прочим, еще и дети есть.

– Дети? – удивилась мама. – Разбойники! – Тут она поняла, что немного преувеличила, и миролюбиво добавила: – Дети уже большие, а собачка еще маленькая. Вот когда вы были маленькие...

Можно подумать, когда мы были маленькие, то напяливали на голову лейки и прятались в печке. Хотя, если хорошо припомнить... Я, когда был маленький, вляпался обеими ногами в кастрюлю с тестом, а Лешка сел в кастрюлю с супом. Она стояла на балконе, у нас тогда холодильник испортился. Потому что мы его немного опрокинули. Набок.

Но все равно нам тогда здорово попало. А Греткой, что бы она ни натворила, мама только восхищается. Или тревожится:

– Ах, она погрызла мои единственные выходные туфли! Значит, девочке не хватает для нормального развития необходимых микроэлементов. – И мама, позабыв про обед на

плите, мчалась в ветаптеку доставать необходимые микро-элементы. И всякие собачьи витамины. Захватив при этом туфли на помойку: – Сама виновата, за обувью надо следить.

В общем, наша Грета становилась в семье все главней и главней. И мама в ней души не чаяла. И все время восхищалась.

Как-то мы вернулись с ранней утренней рыбалки и завалились поспать, потому что встали очень рано. Едва мы успели задремать, как к нам в комнату влетела мама и громким шепотом разбудила нас:

– Скорей! Это такая прелесть! Только не шумите, а то спугнете!

Продирая глаза, мы вышли на крыльцо. Эта «прелесть» ходила по участку и «трепетно и нежно» нюхала мамины цветы. А потом пошла вдоль клубничных грядок и стала лакомиться клубникой, выбирая самую крупную и спелую.

Алешка зевнул и проворчал:

– Я бы попробовал... Без спроса...

А мама все приговаривала:

– Кушай, деточка, кушай. Не все же ягодки этим обормотам и разбойникам.

Но уже этим летом Гретка стала показывать свои будущие способности. Заложенные в ней ее далекими и близкими предками. И здорово нас удивила.

Она очень любила гулять с нами в поле. Там всегда столько интересного! А когда она увидела стадо коров, то пришла

в дикий восторг: «Какие большие собаки! Да еще с рогами! Вот бы с ними поиграть!»

И она бросилась к стаду. Мы сначала испугались, но пастух Коля сказал:

– Ничё! Не бойсь! Это же овчарка.

И как раз в это время от стада отделились несколько коров и деловито направились к лесу.

– Как собачку зовут? – спросил нас Коля. – Грета? Вот и хорошо. – И он громко свистнул и крикнул: – Грета! Гони их! Гони!

Удивительно, но Гретка его поняла. Она рванулась за коровами, отсекала их от леса и погнала в стадо. И коровы ее прекрасно поняли и послушно потрюхали обратно. А если какая-нибудь отбивалась в сторону, Гретка тут же забегала сзади и громким лаем наводила порядок.

– Это же овчарка, – говорил Коля, закуривая. – У ней это в крови, она свое дело знает. Не продашь, а?

– Вот еще! – фыркнул Алешка. – Друзей не продают.

– Это верно, – согласился Коля.

А мы еще не знали, что этот Греткин талант очень скоро пригодится в опасную для всех нас минуту...

Вот так и шло время. Грета выросла. Научилась проситься на улицу по своим делам. Научилась лаять басом, правда, иногда еще срывалась на визгливый щенячий брех. Она оставалась все такой же веселой и дружелюбной, но в ее поведе-

нии появились новые черты. Недоверие к посторонним и настороженность: не грозит ли кому-нибудь из нас какая-нибудь, с ее точки зрения, опасность?

Однажды вечером, когда папа переодевался, придя с работы, и достал из-под мышки пистолет, чтобы положить его в сейф, Грета без звука и предупреждения сделала прыжок и попыталась схватить его руку.

– Молодец! – похвалил ее папа. – У тебя хорошая наследственность. Но тебя уже пора обучать.

И мы записались в клуб служебного собаководства. На первом же занятии старший инструктор дядя Сережа раздал нам тоненькие книжицы. Это были пособия для владельцев собак.

– Внимательно изучите, – сказал он, – и следуйте изложенным там указаниям. В них подробно расписаны все домашние задания.

Алешка сразу же отобрал у меня это пособие и стал его «внимательно изучать».

На первой странице он улыбнулся – там был нарисован разлапистый вислоухий щенок. На второй странице Алешка нахмурился и хмыкнул. Там было написано: «Воспитание щенка – это выработка у него навыков и привычек, полезных для хозяина». На третьей странице хихикнул и закрыл книгу.

– Ты чего? – спросил я.

– Фигня, Дим, – небрежно ответил он и прочитал вслух:

– «Нельзя давать собаке кличку по человеческому имени». Глупости какие.

– Ты у нас больно умный!

– Да уж умнее этого... как его? – он взглянул на обложку. –

С. Белявского.

(Кстати, С. Белявский, как мы узнали много позже, и был наш старший инструктор Сережа, собственный пес которого носил очень «собачью» кличку – Мишка.)

– Да ладно тебе!

– А ты дальше еще прочитай.

– «Кличка у собаки должна быть краткой и выразительной. Например: Лада, Ада, Дик, Дина».

Мне стало смешно. Действительно, прямо не человечески, а собачьи имена. А Лешка добавил:

– Выходит, Дим, у маминой лучшей подруги Дины Васильевны – не имя, а собачья кличка?

– Ты только не вздумай ей об этом сказать, – предупредил я.

– Расстроится? – хихикнул он.

– Загордится, – хихикнул я.

На собачью площадку заниматься с Гретой пришлось ходить, конечно, мне.

Папе некогда, мама не может лазить по высоким шатким лестницам и прыгать через барьер и канаву, а Лешку вообще на собачью площадку брать нельзя. Потому что в этом слу-

чае Грета не столько занимается, сколько внимательно и настороженно наблюдает за Алешкой. Чтобы никто его не обидел и чтобы он сам что-нибудь недозволенное или опасное для него не натворил.

И не дай бог, чтобы кто-нибудь из Греткиных друзей вдруг твякнул бы на Алешку. Тут уж дружбы нет. Как-то один раз приятная псина Юта поставила Алешке лапы на грудь и хотела лизнуть его в лицо. Грета расценила эти действия как нападение и оттрепала Юту от души. И с тех пор относилась к ней строго и с недоверием. Поэтому мы ходим на площадку только вдвоем.

Грета эти занятия очень любит. Особенно – барьер. Она у нас вообще прыгучая, с раннего детства. Только если раньше она подпрыгивала от восторга, то теперь прыгает с удовольствием, ради самого прыжка – преодоления препятствия. Старший инструктор дядя Сережа всем собакам ставит Грету в пример:

– Это не овчарка, это просто кенгуру! Учитесь!

А началось все это, когда мы в первый раз вывели Грету из дома на прогулку. Она с изумлением огляделась. Она и не догадывалась, что кроме ее родного дома существует еще один огромный мир! И она восторженно подпрыгнула на месте всеми четырьмя лапами: «Какое счастье!»

Так и началось. Что бы ни встретилось ей на пути, все вызвало у нее радость, изумление, восторг и прыжок на месте. «Ах! Пивная банка! Какая красивая! Ах! Птичка на ветке!»

Ах! Тетка с сумкой!»

Мама про нее сказала:

– Какое счастливое создание! Она умеет радоваться любому пустяку! Вот так и надо жить! Учитесь!

Опять – учитесь. Только и слышишь. От родителей, от учителей. А теперь еще и от собственной собаки. Хотя, если задуматься, нам всем есть чему у собак поучиться. Любви, преданности, бесстрашию. Я даже за собой заметил: чем дольше Грета у нас живет, тем критичнее я к себе отношусь. Какой-то живой пример перед глазами.

Вот так мы и живем. Мама, папа, дети и собака. И дальше жили бы спокойно и безмятежно. Если бы не собака. Точнее, если бы не уроды. И негодяи.

Но в то время об их существовании мы не догадывались. И первым тревожным признаком стала пропажа милейшего добермана Лорда...

Глава III

Отказ от корма

В следующий выходной Доктор все-таки пришел на площадку. Видимо, с надеждой.

И все мы увидели, как этот одинокий пожилой человек вдруг постарел. У него потухли глаза и походка стала вялой и неуверенной.

Доктор подошел к дяде Сереже, они о чем-то поговорили. А когда Доктор, сгорбившись, ушел, дядя Сережа подозвал нашего инструктора Дашу – и они как-то озабоченно пошептались.

Дядя Сережа у нас осуществляет на площадке общее руководство, а девушка Даша, тоненькая такая и юная, занимается с нами и с нашими собаками.

Даша очень симпатичная, она любит и понимает всех собак. Она даже красивая, почти как Лелька из нашей школы. Я прямо и не знаю, кто из них мне больше нравится. Обе красивые и обе собак любят. Но у Даши, как пробасила как-то Тетка Чена, есть жених. А у Лельки пока нету. Ей еще школу надо закончить. И Лольку с Долькой выучить...

Когда Сережа нашептал что-то Даше, она тут же звонко хлопнула в ладоши, требуя внимания, и объявила:

– Построились! Собачки у левой ноги в положении си-

дя. Сегодня будем отрабатывать «отказ от пищи», найденной на земле и предлагаемой посторонними людьми. Это очень важное упражнение.

– Почему? – безмерно удивилась Дама с собачкой. – Мою Басю каждый встречный хочет приласкать и угостить вкусненьким. Я вообще ее могу не кормить.

– Ни в коем случае не допускайте этого, – строго и даже сердито сказал обычно очень дружелюбный дядя Сережа. – Собака должна принимать корм только из рук хозяина.

Сережа, слегка прихрамывая, прошелся вдоль строя. Все мы, и собаки тоже, поворачивали головы следом за ним.

– Во-первых, есть люди, которые не любят собак. Явно или тайно. В прошлом году один такой ненормальный разбросал в парке отравленное мясо.

– Какой ужас! – воскликнула Дама с собачкой и подхватила Басю на руки.

– Во-вторых, – напористо продолжал Сережа, – любой «добрый» дядя может подманить вашу собаку лакомством и... только вы ее и видели. А что с ней может стать в чужих недобрых руках, сами представляете.

– А может, Лорда так и похитили? – это опять спросила Дама с собачкой, так прижимая Басю к себе, что она, бедная, стала попискивать. – И кому-нибудь продали? Такие собаки ведь очень дорогие.

Дядя Сережа кивнул, соглашаясь, и добавил:

– Есть и еще одна опасность. Собаки любят подбирать с

земли пищевые отбросы, которые могут привести к тяжелому отравлению. От этого их надо отучить.

Я понимал, что дядя Сережа изменил распорядок занятий не только из-за этих ужасов. Главное – исчезновение Лорда. Что-то дядя Сережа знал. Или о чем-то догадывался.

– Сейчас инструктор объяснит вам, как пойдет это занятие.

Даша собрала у нас лакомства, которые мы брали на площадку для поощрения собак, и разложила их кучками вдоль тропы, на которой мы отработывали команду «Рядом!»

– Берем собачек на поводки, – сказала Даша, – и цепочкой идем по тропе. Как только собака потянется к приманке и попытается ее схватить – следует резкий рывок поводком и грозная команда «Фу!» Если собака послушно отказалась от своей попытки, следует ее поощрить голосом и лакомством. Все ясно? Направо! Шагом марш!

Через несколько секунд все прилегающее пространство огласилось возгласами «Фу!» и «Хорошо, умница!»

Надо сказать, что собаки быстро сообразили, что от них требуется. Зачем ссориться с любимым хозяином из-за какой-то ерунды, валяющейся в траве, если за отказ от нее можно и лакомство получить, и доброе слово услышать.

Мы все были очень довольны и горды нашими умными и послушными питомцами. Мы даже думали, что такой сообразительной группы у Даши еще не было. А дядя Сережа, поглядывая на нас, чуть заметно усмехался, и я даже услы-

шал, как он сказал вполголоса:

– Не так-то это просто. Сейчас увидите.

Мы еще пошагали по тропе, а потом перешли на снаряды: попрыгали через барьер, ползали по лестнице, пробежались по бревну.

– Молодцы! – сказала Даша. – Перерыв, отпускаем собачек побегать.

Вот тут-то и началось! Все собаки до единой, даже неповоротливая Бася, тут же, как только мы отстегнули поводки, бросились к тропе и мгновенно подобрали всю приманку.

– Ай умницы! – ничуть не огорчился дядя Сережа. Уж он-то знал, что собаки прекрасно понимают некоторую условность дрессировки.

Я очень хорошо помню дождливый осенний день, когда наша площадка превратилась в грязное месиво. А мы тогда отработывали команду «Сидеть». Вам бы понравилось сесть голяком в мокрую холодную грязь? Первым сообразил наш безупречный джентльмен Лорд. По команде «сидеть» он послушно приседал, но не касаясь попой холодной земли. И все собаки, глядя на него, сообразили, что вовсе не обязательно плюхаться задом в раскисшую глину площадки. Достаточно только сделать вид, что ты послушно приседаешь. Даша смеялась, а Сережа делал вид, что сердится. Хотя его безупречный Мишка по этой команде приседал не на грязную землю, а на деревянную скамейку или на собственный пушистый хвост. Он его как бы подстилал под попу...

– На следующее занятие, – сказал дядя Сережа, – принести по небольшому кусочку сырого мяса. Продолжим это упражнение по более строгой программе.

– Чем занимались? – спросил Алешка, когда мы пришли домой.

– Отказом от корма.

– Живодеры! – сказала мама с сердцем.

Я объяснил ей суть этого важного элемента дрессировки.

– Как интересно! – воскликнула мама. – Давайте попробуем. – И она принесла из кухни сбереженную для Греты косточку. И положила ее под стол. Грета безумно обрадовалась. А я грозно скомандовал: «Грета, фу! Фу, Грета!» Но, похоже, она эту команду восприняла как «Фас!» и тут же схватила кость, не обращая ни малейшего внимания на мое грозное «фуканье». И самозабвенно стала ее обрабатывать, зажав передними лапами. И жмурясь от удовольствия.

– Здорово, – сказала мама, садясь в кресло. – Умница! Я бы на ее месте поступила бы так же.

Но тут Алешка вдруг подошел к Грете, присел рядом и сказал укоризненно:

– Эх ты! Разве так можно? – Грета оторвалась от кости, взглянула на него. – Разве так хорошие овчарки поступают? Так плохо себя ведут только невоспитанные дворняжки.

Грета – удивительно – заметно смутилась, повиляла хвостом, положила на затылок уши.

Алешка демонстративно от нее отвернулся и добавил:

– Плохая собака.

Это уже было слишком. Грета встала, взяла кость, подошла к маме, вздохнула и положила кость ей на колени.

Мама растрогалась и обняла Грету за шею. А Лешка сказал:

– Сделай вид, что ты счастлива, погрызи немного и отдай ей.

– Я счастлива, – сказала мама, – но кость грызть не буду.

– Понарошку, – подсказал Алешка.

Мама послушно «погрызла кость» – Грета с интересом за ней наблюдала. А потом стала взволнованно поскуливать.

Мама вернула ей кость, и Гретка ушла с ней на кухню. Подальше от конкурентов.

Я же говорил – у Алешки какой-то свой язык для общения с животными. Мне так и кажется, что с птичками он чирикает, а со змеями шипит. Хорошо еще, что коров поблизости нет.

Я давал Грете команды на принятом языке: «Ко мне!», «Рядом!», «Сидеть!» Она их выполняла, но, в общем-то, без особого рвения. Так что приходилось их повторять все более строгим голосом. А у Алешки совсем по-другому. Никаких команд.

– Эй! – скажет он. – Ну-ка, иди ко мне, поболтаем. – И Грета летит к нему, как к своей миске. – Посидим? – скажет Алешка. И Грета тут же садится напротив него и, склонив

голову набок, внимательно его слушает.

И что бы Алешка ей ни сказал, Грета понимает прекрасно, какими бы словами он ей это не сообщал.

Ну, положим, слово «кушать», наверное, каждая собака знает. И любит. А вот Лешка иногда, в качестве эксперимента, может ей сказать: «Идите жрать, пожалуйста!» И Грета не ошибается. Сломая голову летит к своей миске – жрать, пожалуйста.

Большая радость! Лорд нашелся! Но в каком виде! И почему-то он пришел не домой, а на площадку.

От былой красоты и элегантности в его экстерьере почти ничего не осталось. Он был грязен и хромал на переднюю лапу. Но самое страшное – вся его шея снизу и грудь были в жутких рваных ранах. Они немного затянулись, но вид был у них ужасен.

Дядя Сережа тут же позвонил по мобильнику Доктору и вызвал своего знакомого ветеринара. Пока они добирались до площадки, Лорд лежал, уронив голову на передние лапы, и тихонько поскуливал.

Мы стояли вокруг него. А собаки иногда подходили к Лорду и лизали его. И тоже поскуливали.

Лорд изредка поднимал голову и грустно смотрел на нас карими глазами. Оживился он, когда за оврагом показался спешащий изо всех сил Доктор.

Лорд встал, прихрамывая и пошатываясь, пошел на-

встречу. Сунул голову ему между колен и замер. Доктор одной рукой поглаживал его голову, а другой пытался протереть очки.

Дама с собачкой всхлипнула. Бася заскулила. Даже Чен проснулся.

Но тут приехал ветеринар на фургончике «Ветпомощи» и отогнал всех в сторонку. Он легко и бережно ощупал, будто погладил, Лорда, осмотрел его, покачивая головой. Потом сказал Сереже:

– Странно. У него сильные ушибы ребер, нужно сделать рентген. Будто его били ногой или дубинкой. А вот на шее – типичные рваные раны, укусы бойцовой собаки. Причем низкорослой. Скорее всего – бультерьер.

Ветеринар сделал Лорду укол, обрызгал его раны какой-то аэрозолем. И предложил отвезти его домой на своей машине. Доктор обрадовался, а вот Лорд... Лорд повел себя очень странно. Когда Доктор повел его к машине, он заупрямился. И даже, прижав уши, оскалился и зарычал.

– Интересно, – проговорил Сережа. – Он у вас не любит машину?

Доктор в недоумении развел руки.

– Никогда не замечал. Мы сколько раз ездили с ним на прививки, на дачу. Даже в гости. Он всегда ездил спокойно и послушно.

– Интересно, – повторил Сережа. – Очень интересно.

– Ладно, – сказал Доктор, – спасибо. Доберемся потихо-

нечку пешком.

– Завтра – на рентген, – напомнил ветврач. – С десяти до трех.

И они пошли домой. Доктор шел тихонько, а Лорд ковылял рядом с ним, прихрамывая.

К Сереже подошла Даша. Тоже расстроенная.

– Бультерьер его оттрепал, – сказал Сережа. – Совершенно ясно. И не один.

– А что ж хозяева смотрели? – возмутилась Даша. – Почему не остановили?

– Вот и смотрели, – с какой-то странной интонацией, сердито ответил Сережа. – С интересом смотрели... Так, продолжим занятия. Ваши собаки, – сказал он с хитрой улыбкой, – очень умные. Поэтому сделаем так. – И Сережа, забрав у нас кусочки мяса, посыпал их каким-то белым порошком. – Не беспокойтесь, это не опасно и не вредно. Порошок без запаха, но очень горький. – И он отдал Даше приманку, чтобы она разложила ее на тропе. – Пошли!

Все собаки презрительно отворачивались от кусочков мяса. Даже как-то демонстративно. А сонный Чен так отвернул вбок свою морду, что врезался на ходу в стойку барьера. И долго, оборачиваясь, рычал на нее. Покосившуюся.

Зато потом, когда мы спустили собак с поводков и они ринулись подбирать приманку, получилось здорово. Они чихали, кашляли, терли лапами пасть. А Бася даже легла на спину и притворилась, что ей очень дурно.

– Вот так вот! – удовлетворенно заметил Сережа.

Когда я рассказал Алешке, что Лорд нашелся, он очень обрадовался. А когда я сказал, что Лорд шарахался от машины – вдруг задумался.

– Что-то тут не так, Дим, – Алешка нахмурился. – Я думаю, Дим, Лорд не сам потерялся.

– Его потеряли? – усмехнулся я.

– Его украли, Дим. На машине подкараулили и увезли. И увез человек, которого Лорд хорошо знал. И его машину тоже.

Как показали дальнейшие события, Лешка был прав. И все оказалось намного страшнее, чем мы могли предположить...

Лорд довольно быстро поправился, снова стал ходить на занятия. И эта история стала как бы забываться. Но Сережа не давал нам расслабиться. Постоянно напоминал обо всех опасностях, которые угрожают нашим мохнатым друзьям.

– Вы думаете, что ваши питомцы достаточно защищены? Вы думаете, что сильные лапы, быстрый бег и острые зубы обеспечивают им безопасность? Да собаки – самые незащитные существа. Они тысячи лет живут с людьми, преданно им служат и доверяют. В этом их слабость. Они не ожидают коварства, предательства. А от них не спасут даже самые большие клыки.

– Да что вы говорите! – не поверила красивая девочка Леля, хозяйка двух красивых колли. – Тут на меня какой-то хулиган заругался, так еле убежал. Почти без штанов. Мои девочки меня в обиду не дадут.

– Не сомневаюсь, – сказал Сережа с улыбкой. – А для этого их надо обучать. И прежде всего – безупречному послушанию.

Глава IV

Лолли и Долли

Занятия на площадке становились все сложнее и интереснее. И очень интересно проявлялись на них характеры наших собак. И все больше мы узнавали друг о друге.

Трусишка Бася, например, оказалась самым отважным «альпинистом». Ее любимый снаряд – это лестница. Многих больших собак приходилось силой на нее затаскивать – так они ее боялись, а Бася решительно карабкалась по большим для нее, шатким ступеням и на верхней площадке оглушительно звенела на всю округу своим заливистым писклявым лаем.

И спускалась интересно. Торопливо спрыгивала со ступеньки на ступеньку, а потом, на середине лестницы, срывалась и кубарем катилась вниз. Где ее подхватывала Дама. И поправляла на ее макушке красную ленточку.

Афганская борзая Аза больше всего любила прыгать через «канаву». Дик с удовольствием брал барьер. И чем выше – тем больше удовольствия. А ирландцу Чену больше всего нравилось развалиться в дреме у какого-нибудь снаряда, чтобы мешать всем. Чтобы все об него спотыкались и на него наступали. Но его хозяйка на это не обижалась.

Правда, эту Тетку, как и ее Чена, мы сначала не очень лю-

били. Она была такая грузная, с тяжелой поступью и с густым голосом. Когда она что-нибудь говорила, казалось, будто капитан боевого корабля, стоя на мостике, отдает в рупор грозные приказания.

Ее громадный ирландец Чен был соня и рохля. Из всех собачьих удовольствий он выбрал для себя только одно – сладко поспать. В каждую свободную минуту он звучно заваливался на бок там, где стоял, и, прикрыв морду лапой, облегченно вздыхал и засыпал, легонько при этом похрапывая. Даже если в это время моросил дождик или сыпал снег, его это ничуть не беспокоило.

На занятиях любимая команда Чена была: «Лежать!» Ее он выполнял незамедлительно и с явным удовольствием. Но после этого заставить Чена выполнить какую-нибудь команду или упражнение стоило Тетке огромного труда. И только своим примером. Она тяжело карабкалась с ним по лестнице; она, то и дело теряя равновесие и срываясь, таскала его за собой по бревну; она даже через барьер перелезала вместе с ним.

И однажды, когда инструктор Даша увеличила высоту барьера до метра, уселась на нем верхом и, смущенно улыбаясь, пробасила: «Застряла тетка».

(Кстати, именно поэтому мы некоторое время называли ее между собой Теткой.)

Но тут никто не засмеялся. Все дружно бросились к ней на помощь и ссадили ее с барьера на землю. Потому что все уже

знали, что она очень добрый и застенчивый человек. И что, несмотря на это, очень успешно руководит богатой фирмой по производству кормов для животных. И что ленивец Чен – единственный ее друг. Как Лордик у Доктора.

Один урок, который преподавала нам Тетка, мы все запомнили навсегда. Студентка Таня в сердцах шлепнула поводком своего добряка Джека за непослушание. И Тетка тут же выдала ей своим густым басом:

– Нельзя бить ни детей, ни собак. Никого вообще нельзя бить, если он не может ответить тебе тем же. – И усердно затопала, таща за собой Чена, отрабатывая команду «Рядом!» Издали казалось, будто симпатичный бегемотик ведет за собой ленивую безрогую корову.

А Таня покраснела и приласкала Джека. Который тут же ей ответил, вильнув бесхвостой попой: «А я и не сержусь. Сам виноват».

Но при всей своей доброте Тетка была настоящим командиром. И она всегда, тяжело ступая ногами, шла на помощь, даже если ее об этом не просили: посадить собаку, которая не смогла взять барьер прыжком и повисла на нем, вцепившись передними лапами; распутать поводок, поймать непослушную Джульку.

Как-то высокомерный овчар Дик заупрямился и ни за что не хотел лечь по команде. Его уговаривали домашняя хозяйка Галя, инструктор Даша, даже Сережа строго прикрикнул на него. Но Дик стоял как вкопанный – не лягу, и все! Так

бывает. Собаки, они совсем как дети, им тоже хочется иногда покапризничать.

Тут подошла Тетка, нагнулась к нему и густо рывкнула прямо в ухо:

– Леж-жать!

Дик плюхнулся на брюхо как подкошенный. И виновато взглянул на нее, будто спрашивал: «Правильно?» И он на Тетку, кстати, несколько не обиделся. И с тех пор выполнял эту команду беспрекословно.

– Железная леди, – одобрительно сказал про нее Сережа вполголоса.

И с той поры ее стали называть Тетя Леди. И никогда не сердились на Чена. Некоторые собаки, особенно мелкие, вертятся под ногами и визжат, когда на них ненароком наступишь. А Чен просто обожал у всех под ногами валяться. Но попробуй на него наступи.

В общем, у каждой собаки было свое любимое упражнение. А у Гретки – все любимые. Кроме бума. Бревно она не любит. Потому что однажды с него сорвалась. Ничего страшного не произошло, бум не высокий, но упала Грета прямо на Чена, который разлегся рядом с ним.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.